

Юрий Наумов. Фото автора



Домашние верфи Сегозерья

Знакомство с карельскими мастерами-лодочниками было моей давней мечтой, и такая возможность наконец представилась в рамках программы изучения истории и современного состояния народного судостроения и судоходства, которую уже десять лет ведет музей-заповедник «Кижы». Местные деревни и поселки – Паданы, Маслозеро, Топорная Гора, Сельга – сегодня почти опустели, но с помощью местных работников образования еще можно разыскать старых мастеров.

На берегу Сегозера, одного из крупных в Карелии, что находится в 100 км к северо-западу от Медвежьегорска, в центральной части деревни Паданы я с радостью обнаружил две группы лодок на покатях с воротами у причалов-мостков – всего семь корпусов. Повезло! Уже первая лодка оказалась интересной, с еще не ясными местными и в то же время очевидными общекарельскими особенностями. Вторая лодка была еще красивее, а третья (лежала на берегу вверх дном, пришлось переворачивать) имела характерные признаки местных традиций, которые раньше не встречались. Как потом выяснилось в результате исследований, в Сегозерье, как и в карельском Поморье, традиционно делают киль из елового ствола с корнем – кормовой кокорой, а носовую кокору крепят в замок на деревянные нагеля.

На противоположном берегу большого, шириной больше 2 км, залива, соединяющего Сегозеро со смежным Панозером, видна деревня Погост

с церковью, на берегу перевернута большая солоубальская «дори», все выглядит очень живописно. Назавтра предстояло обмерять старые и фотофиксировать новые лодки. По первому впечатлению, все лодки разные: в одних есть что-то от местных и сегежских, от кижанок да и от других, в том числе и от современных. Очевидно, что, с одной стороны, время и крупная промышленность разрушили традиции местного судостроения, размыли особенности старого стиля, с другой – поставили перед строителями новые задачи и привнесли современные технологии. Тем не менее местное судостроение, в отличие от менее консервативного жилищного строительства, сохранило основы традиций формообразования и конструкции деревянных корпусов, при этом стало использовать опыт соседей.

В 6 утра в Паданах совсем тихо, в лесу никто не работает – рухнули советские леспромхозы. Деревня сейчас полупустая. Директор местной школы Т. И. Максимова рассказывает: «Лодки

строили в Сельгах, очень много. В Паданах у озера живет Пашуков Михаил Николаевич, что хотите сделает, творческий человек. Любит все – и лодки, и рыбалку, и лес. Занимался лодками и Новоселов Илья Васильевич». Она называет имена старых мастеров Сегозерья и их детей, унаследовавших это ремесло.

Один из лодочников «последней волны» – директор паданского Дома инвалидов Прохоров Юрий Николаевич, 1955 года рождения, из деревни Остречье. Рассказывает: «В Масельге был Яреля Иван – финн, много лодок сделал, сначала себе, потом продавал. Мы лодку держали, а он работал на пилораме, где подыскивал хорошие бревна по 20 см в вершине. Выписывали в конторе 0.3 куба (!) на лодку, а он уже напилит необрезной доски по 18 мм. Строгали их вручную».

У Прохорова никто в семье лодок не шил. В Великой Губе все мужики ездили рыбачить за 40 км, да и сено на лодке возили, поэтому ставили два мотора. Старых мастеров не было, он учился у приезжего белоруса Гавриловца Василия. Тот делал лодки у своего дома, много – для себя и друзьям. Лодки очень хорошие, и моторы ставились мощные. Я поездил с другими

и захотел свою лодку. Он мне сказа: «Делай сам – столько лет смотрел!». Выбрал мне елки на пилораме, мы напилили и зиму сушили. Сделал первую под «Вихрь». И, не хочу хвастать, но моя бегала быстрее, чем его».

О своей технологии рассказывал так: «Не помню терминов карельских. В Паданах меня попросили сделать, я по вечерам и сделал вторую. С широкой кормой под мощные моторы. Всего сшил пять лодок. Но на продажу не шил – не выгодно и долго без помощника. Лодки 6-метровые – ездят за озеро и не боятся». Киль делали Т-образный, из елового бруска, полки – по 4 см. Для слива делали отверстие в корме – открывали, когда под мотором шли. Носовую кокору искали в лесу. Корма всегда шире носа, у старых лодок – по две кокоры. Если бы мы шили много таких лодок, то и молодежь бы от нас научилась, так бы и делали, только бы потом улучшали».

В Паданах я познакомился с 82-летним Павлом Кирилловичем Антоновым. Когда я его увидел, он чистил и резал грибы – большие подосиновики, в основном, как сахар, белые, и волнухи. Постоянно улыбаясь, Павел Кириллович показывал хозяйство: «После службы в армии с 1950-го ра-

ботал в леспромхозе. Все выходные трудился по дому и хозяйству, так дом и построил. Если бы пришлось работать лишь по вечерам, то не получилось бы». Дом большой и сложной архитектуры с пристройками: «Сын пристроил – работает в электросети». У него – большой участок в Топорной Горе, на юго-западном берегу (от шоссе до озера – более 100 м), на котором кроме лодочной мастерской есть сарай, сеники, хлева, вольеры, сарайки, на берегу стоят две бани, гаражи для катеров. Сколько лодок всего сшил – не помнит, лодку шил за неделю, иногда и быстрее. «Чтобы лодки делать – надо желание иметь и глаз верный, а сейчас, к старости, – еще и здоровье. Пока еще много делаю, все успеваю».

Мастерская его, как принято тут, находится в доме, на дворе здесь не шили – работать приходилось в любое время года. Собирали прямо на полу. Лодки мастер строит по карельским канонам, двухкокорные, т. е. с носовым и кормовым штевнями «естественного загиба». Сечение кия («эмя», или «матца») – Т-образное, ширина сверху – 22 см, полки – по 3 см. На киль строитель ставит шаблон поперечного сечения корпуса с небольшим сдвигом к носу. Доски набоя – часто само-

Павел Кириллович Антонов из Топорной Горы и его лодки – карельская классика



Валерий Павлов из Маслозера – представитель немногочисленного молодого поколения мастеров



пильные, сосновые, на борт идет пять-шесть штук поясьев. Прижимает доски руками, стягивает палками с веревкой и прижимает клещами с клином: первую – плоско, вторую – тоже, а третью уже чуть-чуть с подъемом. Шпангоуты – «коррет» – делает из тонких стволиков елки через 35 см. Старики тесали их из кривых столов и суков, делали и из можжевельника. Тесаных шпангоутов требуется меньше. Пазы мастер конопатит, как все, мхом, тряпками, смоленной паклей, держится хорошо. Весел – всегда одна пара, только на сплавных лодках – по две. Паруса не делали, кто-то пробовал, но далеко с ними не ходили. Мне рассказали, что когда-то местный люд пользовался для плавания целыми срубленными деревьями при попутном ветре. Антонов под парусом не ходил, в 1960 г. первым купил мотор.

Местные жители строили лодки в основном для себя, иногда раньше прямо в лесу. Искали кокору, тесали, доски кололи из ствола и обтесывали. Один мужик из деревни (еще до революции) уходил утром в лес и в деревню к вечеру уже на лодке из трех досок приходил, толкая ее шестом. Отношение к профессионалам в советские времена стало недоброжелательным. Стоило по-тихому сообщить, что кто-то строит лодки серийно – неприятности были гарантированы. Людей лишили возможности работать на полях, на предприятиях, на государство и

на себя. Жизнь здесь, как и во многих подобных местах, не имеет никаких перспектив.

Интересный мастер из молодых и строящих много лодок – Павлов Валерий Федорович (1954 г. рождения) из деревни Петров Наволок на Сяргозере. По профессии он кузнец, хотя нигде не учился – это семейное. «У нас весь род – кузнецы. Я уже около 30 лет шью лодки, сшил около 60». Его отец, дядьки, дед и прадед были кузнецами и шили лодки для себя, не на продажу. В конце 50-х закрыли деревню Петров Наволок, сельским хозяйством заниматься стало нерентабельно. Зимой заготавливали лес, кто хотел – рыбачил. Но большинство разъехалось по окрестным деревням, кое-кто отправился на «материк».

«Переехали в Маслозеро в 1959 году, когда закрыли деревню Петров Наволок – невыгодно стало сельским хозяйством заниматься. В деревне шили лодки в дедовском доме, у отца на сарае мастерская – он был краснодеревщик, – рассказывал он. – Помню – отец там две лодки сделал, и я с ним первую сшил в 1980 году. До этого только видел, как старшие делали. Шили на козлах, на боку, когда шьют – поворачивают. Киль – кокора или «эмя» из ели с корнем до форштевня. На «эмя» ставят шаблон – 1.75 м от штевня, у кого силы поменьше – 1.80 м. Ставят и ближе, чтобы нос был шире. У брата отца остался дедовский шаблон,

я свой сделал. И лодки делаю свои – пошире и набоев побольше. Стал делать форштевень из прямого бруса – кокора внизу гниет быстрее киля, а прямую проще заменить. Гвозди раньше были подковные – «ухналя», сейчас круглые, шайбы – из оцинковки (старые ведра). Моя лодка еще с ухналями. За ними раньше старики ходили в Паданы – там лошади были, а сейчас надо на Украину ехать».

Самая удивительная и колоритная местная личность – Михаил Федорович Кононов из деревни Сельга, той самой, где больше других осталось лодок. Все они сделаны его руками, а около дома хозяина и сейчас на воде – целых восемь. «Я нигде не учился, но глаз у меня, хоть и один, да подмечает все». По-карельски «воймелавенехте» – «делать лодку». Первую он построил лет в двенадцать-четырнадцать. «Старые лодки увидел – и очень носы их понравились. Смотрел-смотрел, да и сам захотел построить, – говорит он, – а досок нет. Стал дядю просить: «Напил ли ты мне досок», а он мне: «Красенькую дал бы ты мне бумажку, дак напилю». Мама деньги дала, и мою первую лодку тут же купили на лесоучасток. Мастер пришел, посмотрел и 500 рублей ей дал. Мама молчит, и я молчу, а он говорит: «Пусть еще делает». Сразу после этого стали мне лодки заказывать, рубленую мастерскую пришлось пристроить к дому».



Лодки Кононов делает длиной от 5 до 5.3–5.4 м, в зависимости от места использования, ширина – до 2 м. Использует «венелауваг» – лодочные доски – толщиной около 16 мм. «Если применишь еловые – их для лодки на одного человека больше идет, сосновых – меньше, к тому же они крепче и долговечнее, – продолжает рассказывать Михаил Федорович. – Сосну бе-

рем с болота, частослойную. Паруса не используем, а если едем куда, и ветер по пути, то березку ростом с человека в носу крепим веревкой – получается «пооруса». В середине лодки для этого была доска с дыркой.

Новые лодки мастер придумывал сам, делал из разных материалов и разной формы. «С женой на охоту и на рыбалку, за ягодами-грибами на них ездили. Жили в лесных избушках, у меня их штуки четыре-пять было. Я много пушнины и мяса сдавал – хорошо стрелял. Потом избушки начали разорять, ломали печи, грабили, а мы все ремонтировали. Последний раз приехали на ночлег – все разрушено, я и решил – сделаю катер вместо лесных избушек! Теперь уж ему лет 30. Делал из листа «оцинковки» по деревянному каркасу».

Я спросил Михаила Федоровича, сколько лодок он построил? «Я так думаю: если Селецкое озеро поперек уставить ими друг к другу, то в тапках перейдешь и ног не замочишь. В деревне все лодки мои. И одна сына! Сейчас он вот звонил и сказал, что на Машозере одну лодку построил и продал за 8 тысяч».

Сын строит также дома и бани, ремонтирует квартиры. Мастер сыном очень гордится.

Кононов отдохнул немного от долгого рассказа, затем провел меня в мастерскую, показал шкафчики, полные инструментов, топоры нескольких видов, коловки – многое сам делал. Пересмотрели вместе множество фотографий, поговорили. Я собрался уезжать и заметил, что расскажу о местных мастерах-лодочниках, в том числе и о нем, в журнале «КиЯ». Уже на краю деревни меня догнала его жена Анна Яковлевна: «Где напишут-то, мы не поняли?» Я уточнил.

О мастеровых этих мест можно было бы написать целую книгу. В деревне что-то все время строится, благодаря чутью М. Ф. Кононова постоянно совершенствуется формообразование лодок. То ли было бы, будь ему да лет на двадцать меньше!

Хорошо, что в этих местах, да и в других районах Карелии, почти в каждой деревне, что стоят по берегам внутренних средних и малых озер, можно отыскать человека, хранящего или творящего историю местного судостроения.

Михаил Федорович Кононов из деревни Сельга и лодки разработки «КБ Кононова»

